К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

DOI 10.25991/VRHGA.2019.19.3.023
УДК 32:1

В. А. Гуторов*

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТРАДИЦИЯ И ИТАЛЬЯНСКИЙ ФАШИЗМ: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ТОТАЛИТАРНЫХ ДИКТАТУР**

Статья посвящена сравнительному анализу политических и идеологических процессов, развивавшихся в России и Италии в первые два десятилетия XX в. Типологическое сходство ситуаций в обеих странах заключается в том, что к власти пришли и сумели стать легитимными режимы, так или иначе связанные с социалистической традицией. Это произошло, конечно, не в силу внезапной индоктринации основной массы населения. Установленный Муссолини политический режим был не альтернативой воображаемой коммунистической угрозе, но итальянским вариантом авторитарной диктатуры, характер, потенциальная направленность и идеология которой во многом определялись международной ситуацией и особым психологическим климатом, порожденным приходом к власти большевиков в 1917 г. и началом осуществления «социалистического эксперимента», завершившегося созданием тоталитарного государства. Вместе с тем анализ природы установленных в России и Италии авторитарных режимов попросту невозможен, если судить о них по лозунгам и словесным клише, которыми пользовались коммунистические и фашистские идеологи, меняя их в зависимости от политической конъюнктуры.

Ключевые слова: коммунизм фашизм, тоталитаризм, авторитаризм, диктатура, политическая идеология, государство, политическая индоктринация.

V. A. Gutorov

THE RUSSIAN REVOLUTIONARY TRADITION AND THE ITALIAN FASCISM: ON THE PROBLEM OF TYPOLOGY OF TOTALITARIAN DICTATORSHIPS

The article is devoted to a comparative analysis of political and ideological processes that developed in Russia and Italy in the first two decades of the twentieth century. The typological

---

* Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет; gut-50@mail.ru.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Белая альтернатива. Лидеры и идеи Белого движения в исторической памяти российской культуры» № 17–83–01005-ОГН.

similarity of the situation in both countries lies in the fact that the regimes connected one way or another with the socialist tradition came to power and managed to become legitimate. This happened, of course, not due to the sudden indoctrination of the bulk of the population. The regime established by Mussolini was not an alternative to the imaginary communist threat, but the Italian version of authoritarian dictatorship, whose character, potential orientation and ideology were largely determined by the international situation and the special psychological climate generated by the Bolsheviks coming to power in 1917 and the beginning of the "socialist experiment" ended with the creation of a totalitarian state. At the same time, an analysis of the nature of authoritarian regimes established in Russia and Italy is simply impossible, judging them by slogans and verbal clichés that were used by the communist and fascist ideologues, changing them depending on the political conjuncture.

Keywords: communism, fascism, totalitarianism, authoritarianism, dictatorship, political ideology, state, political indoctrination.

Италия 1920-х гг. оказалась страной, где фашистские и коммунистические идеи и практика впервые столкнулись открыто, рельефно обнаружив в своем противоборстве все особенности восприятия их идеологами общественной реальности. Если временно оставить в стороне многообразные нюансы бурной полемики, сопровождавшей политические столкновения в этот драматический период, вполне оправданным было бы признать, что центральным пунктом спора стал вопрос о легитимности сначала самих движений, а затем и режима, возникшего в результате совершенного осенью 1922 г. Б. Муссолини — одним из прежних лидеров итальянских социалистов — и его сторонниками государственного переворота. В данный момент нас, однако, интересует не примитивная антикоммунистическая риторика итальянских фашистов и их многочисленных сторонников в Европе и за ее пределами, и не традиционная в марксисткой литературе оценка фашизма, данная Коминтерном, составной частью которого была итальянская компартия, и даже не антифашизм как идеологический феномен. Последний сформировался в Италии в 1930–1940-е гг., объединив, по выражению П. Тольятти, практически все течения —

> от тех, которые можно назвать «религией свободы» до диалектического материализма, от демократического реформизма, более или менее проникнутого классическим духом, до социального консерватизма католиков, от клерикализма до светской идеологии [13, p. 82].

Речь пойдет именно об особенностях идейного конфликта 1920-х — начала 1930-х гг., когда радикальное социалистическое движение, возникшее под воздействием Октябрьской революции в России и добившееся в 1919–1920-х гг. наиболее ощутимых успехов, вскоре оказалось в состоянии разброда и кризиса, и события стали с полной очевидностью свидетельствовать «о перемещении политической легитимности и жизненности от социалистической левой… к сквадристам-чернорубашникам, чьи насилие и популистская бравада внезапно вытолкнули их на национальную авансцену» [10, p. 71].

Один из наиболее вдумчивых аналитиков, современник тех событий Людвиг фон Мизес очень точно передал исторический смысл борьбы двух движений, выразив его в следующей парадигме:

> Когда война подошла к концу, популярность Муссолини покачнулась. Коммунисты, приобретшие внезапную популярность в результате событий в России, выдвигались вперед. Но великое, исполненное риска, коммунистическое предприятие — захват фабрик в 1920 г. — завершилось полным крахом, и разочарованные массы вспомнили о бывшем лидере социалистической партии. Они всем скопом устремились в новую партию Муссолини — фашистскую. Молодежь с бурным энтузиазмом приветствовала самобытного преемника Цезарей. Муссолини хвастал в более поздние годы, что он спас Италию от опасности коммунизма. Его противники горячо оспаривали эти заявления. Коммунизм, говорили они, не был длительным реальным фактором в Италии, когда Муссолини захватил власть. Правда в том, что расстройство коммунизма увеличивало ряды фашистов и сделало для них возможным разрушение всех других партий. Ошеломляющая победа фашистов была не причиной, а следствием коммунистического фиаско [11, p. 526].

Безусловно, победа была полной, и коммунистам удалось взять реванш только двадцать с лишним лет спустя, когда, пережив новую войну, итальянцы окончательно склонились на сторону антифашистской коалиции и демократические ценности вновь приобрели в их глазах легитимность. Но один момент полемики, ярко обрисованной Л. фон Мизесом, осталась первоначально неосознанным обеими сторонами, участвовавшими в споре. Установленный Муссолини политический режим был не альтернативой воображаемой коммунистической угрозе, но итальянским вариантом авторитарной диктатуры, характер, потенциальная направленность и идеология которой во многом определялись международной ситуацией и особым психологическим климатом, порожденным приходом к власти большевиков и началом осуществления «социалистического эксперимента», завершившегося созданием тоталитарного государства.

В русской философской и научной мысли анализ причин крайней неустойчивости монархических структур начался после революции 1905–1907 гг. Последовавшие одна за другой через десять лет две новые революции подтвердили самые худшие опасения авторов сборника «Вехи» (1909), придав их выводам поистине пророческий характер. В сравнении с ними приведенные нами только что заключения западноевропейских аналитиков зачастую выглядят благодушной ретроспекцией, если бы характер обсуждаемых событий и явлений не был бы столь трагичным.

Принципиальное различие исторических ситуаций, предопределившее своеобразие и разнородность фашистского и коммунистического переворотов, состояло в том, что если объединение Италии Кавуром под эгидой Савойского королевства имело в качестве важнейшего следствия создание жизнеспособной элиты из представителей дворянства, буржуазии и интеллигенции, принявших активное участие в формировании институтов либеральной монархии, начавшиеся в России с отменой крепостного права экономические и административные реформы привели в конечном итоге не к консолидации вокруг трона сторонников дальнейшей европеизации царизма, но наоборот, к отчуждению образованного класса в основной своей массе от политики, нарастанию враждебности, проявлением которой стали и единичный акт убийства Александра II народовольцами, и обструкционистская позиция, занятая либеральными

партиями и группировками в период до февраля 1917 г. «Идейной формой русской интеллигенции, — отмечал П. Б. Струве, — является ее отщепенчество, ее отчуждение от государства и враждебность к нему» [3, с. 160].

Следующей стадией осмысления причин обрушившейся на Россию катастрофы можно считать признание значения традиционных институтов, столетиями рассматривавшихся представителями русского образованного слоя в качестве деспотических и нелегитимных.

> В настоящий момент, когда мы живем под властью советской бюрократии и под пятой красной гвардии, мы начинаем понимать, чем были и какую культурную роль выполняли бюрократия и полиция низвергнутой монархии. То, что у Гоголя и Щедрина было шаржем, воплотилось в ужасающую действительность русской революционной демократии [4, с. 461].

Эти слова были написаны в 1918 г. тем же П. Б. Струве, еще не до конца осознавшим всю меру ответственности русских либералов, создававших республику, которая оказалась только прологом к установлению «пролетарской диктатуры».

В гораздо меньшей степени понимание того, что случится в недалеком будущем, было присуще русским социалистам, воспринимавшим происходящие события в соответствии с классической марксистской схемой исторического развития. Это, разумеется, вовсе не опровергает того факта, что, например, письма Ю. О. Мартова до сих пор сохраняют значение весьма ценного исторического документа. Обосновывая, почему, после продолжительных колебаний, он остался в оппозиции новому «социалистическому» режиму, Ю. О. Мартов так пояснял свою позицию в письме Н. С. Кристи от 30 декабря 1917 г.:

> Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране — бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей помириться с тем аракчеевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются, конечно, самим тем фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве. Получается такой букет, что трудно вынести. Для меня социализм всегда был не отрицанием индивидуальной свободы и индивидуальности, а напротив, высшим их воплощением, и начало коллективизма представлял себе прямо противоположным «стадности» и нивелировке. Да не иначе понимают социализм и все, воспитавшиеся на Марксе и европейской истории. Здесь же расцветает такой «окопно-казарменный» квазисоциализм, основанный на всестороннем «опрощении» всей жизни, на культе даже не «мозолистого кулака», а просто кулака, что чувствуешь себя как будто бы виноватым перед всяким культурным буржуа. А так как действительность сильнее всякой идеологии, а потому под покровом «власти пролетариата» на деле тайком распускается самое скверное мещанство со всеми специфически русскими пороками некультурности, низкопробным карьеризмом, взяточничеством, паразитизмом, распущенностью, безответственностью и прочее, то ужас берет при мысли, как надолго в сознании народа дискредитируется самая идея социализма и подрывается его собственная вера в способность творить своими руками свою историю. Мы идем — через анархию — несомненно к какому-нибудь цезаризму, основанному на потере всем народом веры в способность самоуправляться [8, с. 27].

Подчеркивая, что «преторианско-люмпенская» диктатура большевиков имеет корни в русском пролетариате [8, с. 25], Мартов и его единомышленники-меньшевики не желали признать, что сами в немалой степени способствовали ее легимитизации, создав систему двоевластия в феврале 1917 г., эволюция которой в конечном итоге сделало все составы Временного правительства фактически зависимыми от игры политических сил и партий в революционных органах власти — советах. Например, И. А. Бунин в своей хронике переживаемых им на юге России революционных событий записал 9 июня 1919 г.:

> «Стихийность» революции. В меньшевистской газете «Южный рабочий», издававшейся в Одессе прошлой зимой, известный меньшевик Богданов рассказывал о том, как образовался знаменитый совет рабочих и солдатских депутатов: «Пришли Суханов-Гиммер и Стеклов, никем не выбранные, никем не уполномоченные и объявили себя во главе этого еще не существующего совета!» [1, с. 59]

В этой игре победить было легче той партии, которая, не считаясь с интересами страны, сделала ставку на разжигание классовой ненависти и немедленное удовлетворение требований измученных солдат в окопах и взбунтовавшихся крестьян и тем самым обеспечила себе поддержку путем мобилизации массового недовольства против правительства, признанного союзными воюющими державами в качестве преемника рухнувшей монархии. Расчеты меньшевиков на то, что правительство «новых санкюлотов» будет вынуждено капитулировать перед волей громадного большинства населения, проголосовавшего на выборах в Учредительном собрание за социалистов-революционеров и другие партии умеренного толка [8, с. 23], только лишний раз продемонстрировали схематизм их мышления. Не случайно уже через несколько месяцев после разгона Учредительного собрания М. Вебер проницательно отметил, что именно нерешенность земельного вопроса, вызвавшая анархию в стране, помогла большевикам укрепиться у власти в условиях, казалось бы крайне неблагоприятных для доктринеров марксистского толка, но чрезвычайно удобных для беспринципных лидеров, готовых не только на время отбросить свои догмы, но и заимствовать лозунги у своих противников [2, с. 61–63].

Типологическое сходство ситуаций в России и Италии заключается в том, что к власти пришли и сумели стать легитимными режимы, так или иначе связанные с социалистической традицией. Это произошло, конечно, не в силу внезапной индоктринации основной массы населения. В научной литературе неоднократно предпринимались попытки объяснить этот феномен путем ссылки на общие истоки и даже единообразие различных тоталитарных систем. Так, например, Л. фон Мизес стремился доказать тезис о социалистической природе фашистских режимов.

> Необходимо осознать, — писал он, — что фашизм и нацизм были социалистическими диктатурами. Коммунисты, как состоящие членами коммунистических партий, так и попутчики, клеймили фашизм и нацизм как высшую, последнюю и наиболее разложившуюся стадию капитализма. Все это отлично согласуется с их привычкой называть любую партию, не уступающую безусловно диктату Москвы, даже немецких социал-демократов — классическую партию марксизма, — наемницей капитализма. То, что коммунисты преуспели в изменении семантических

соответствий термина фашизм, имеет далеко идущие последствия. Фашизм… был разновидностью итальянского социализма. Он был приспособлен к особым условиям жизни масс в перенаселенной Италии. Он не был продуктом ума Муссолини и переживет падение Муссолини [11, p. 525, 529–530].

Действительно, изменение смысла политических терминов в программных документах Коминтерна оказало определяющее воздействие на анализ феномена фашизма в работах его итальянских противников — А. Грамши и П. Тольятти, увлекая их в мир абстрактных построений. Задача определения общих элементов тоталитарных режимов не может быть, однако, разрешена исключительно на пути преодоления терминологических трудностей. Например, само понятие «тоталитаризм» (как, впрочем, и термин «авторитаризм») также до некоторой степени было изобретением идеологов итальянского фашизма. Тем не менее в структуре тех значений, которые придаются этим понятиям в современной науке, созданный Муссолини режим, именуемый им *stato totalitario*, был в действительности классическим примером именно авторитарной диктатуры, т. е «чем-то гораздо большим, чем “простая диктатура”, но гораздо меньшим, чем тоталитарное государство» [12, p. 193].

Итак, анализ природы установленных в России и Италии авторитарных режимов попросту невозможен, если судить о них по лозунгам и словесным клише, которыми пользовались коммунистические и фашистские идеологи, меняя их в зависимости от политической конъюнктуры. Например, декларативная приверженность «пролетарскому интернационализму» не помешала Сталину спекулировать на русском патриотизме в трудные годы войны, а после победы раздуть грандиозную антисемитскую кампанию. Проповедуя мистическую идею превосходства «арийской расы», нацисты повсеместно стремились укрепить родственные им движения (в т. ч. и в Румынии) на основе «идейной солидарности». Таким образом, противопоставление по линии интернационализм — национализм лежит в основе идеологического мифа, нередко оказывавшего дезориентирующее воздействие на тех, кто стремился в возвеличении фашизмом национальной идеи увидеть возможность некоей исторической альтернативы. Например, уже в эмигрантский период некоторые ставшие монархистами либералы и примкнувшие к белому движению социалисты видели позитивную сторону фашизма в том, что, переняв у большевизма диктаторские методы правления, он оказался способным объединить различные общественные классы на национально-патриотической платформе, создать альтернативу коммунизму и опереться в кризисный период на традиционный уклад жизни [7, с. 86].

Более серьезного внимания заслуживает гипотеза, которая находит поддержку как у марксистов, так и в работах их оппонентов. Ее сторонники исходят из того бесспорного факта, что фашистские перевороты произошли в странах, позднее других вступивших на путь капиталистического развития, сохранивших феодальные структуры в экономике и социальной жизни. Победа фашизма объяснялась, таким образом, как триумф этатистских тенденций над слабой буржуазной демократической системой, без разрушения которой невозможно было реализовать империалистические интересы монополистического капитала. На теоретическом уровне эта гипотеза была наиболее

полно обоснована М. С. Восленским, который использовал многие элементы марксистского подхода, но пришел при этом к выводам, совершенно несовместимым, например, с советскими традиционными текстами. По Восленскому, тенденция к всеобщему огосударствлению в XX в. является лишь частным случаем тотального порабощения, впервые проявившегося в древневосточных деспотиях, которым Маркс дал название «азиатского способа производства» [5, с. 606–607, 583–584].

> Метод тотального огосударствления накладывается на формацию. Не ущемляя ее сущности, он меняет характер процесса принятия решений: этот процесс концентрируется в руках господствующей политбюрократии, ипользующей механизм государства для полного контроля над всеми сферами жизни общества… в условиях данной формации и, следовательно, в определяемой этими условиями форме [5, с. 608–609].

В России 1917 г., в Италии 1922 г. и Германии 1933 г. перевороты произошли как реакция феодальных структур, сопротивлявшихся переходу к новому миру и принявших форму коммунистического интернационалистского и националистического тоталитаризма [5, с. 584, 598].

Таким образом ленинский переворот, «заменивший в России рождавшуюся демократию диктатурой», был не социалистической революцией, а феодальной контрреволюцией, левая фразеология которой была своеобразной мимикрией, прикрывавшей стремление к власти. Соответственно программа и лозунги большевиков, независимо от субъективных устремлений их лидеров, были выражением стихийного процесса восстановления в новой форме традиционного российского крепостничества [5, с. 585–586, 602]. К такой же мимикрии прибегали и нацисты, копировавшие методы большевиков и по существу эволюционировавшие в том же социалистическом направлении [5, с. 600–601].

Итак, итоговый вывод М. С. Восленского совпадает с тезисом Л. фон Мизеса о социалистическом характере фашистских режимов. Различие их концепций происхождения тоталитаризма состоит в том, что последний исходит из анализа идеологии, тогда как первый ориентируется на выявление объективных законов трансформации различных человеческих сообществ. При таком подходе сам факт использования социалистической теории оказывается до некоторой степени случайным, а комбинация элементов, заимствованных идеологами реакционных режимов из предшествующих социалистических учений является как правило произвольной и имеет весьма отдаленное сходство с оригиналом.

> Итальянский фашизм, — писал Л. фон Мизес, — не был, как хвастали его адепты, оригинальным продуктом итальянского ума. Он возник с расколом рядов марксистского социализма, который определенно был импортированным учением. Его экономическая программа заимствована из немецкого немарксистского социализма, а его агрессивность была равным образом скопирована с немецких All-deutsche, или пангерманистских предшественников нацизма. Его способ управления государством был парафразом диктатуры Ленина. Корпоративизм, его наиболее рекламируемое идеологическое украшение, был британского происхождения. Единственным доморощенным ингредиентом фашизма был театральный стиль устраиваемых процессий, зрелищ и праздников [11, p. 528].

В свою очередь, нацистская философия — «наиболее чистое и последовательное выражение антикапиталистического и социалистического духа нашей эпохи» — также была не «арийской» по своему происхождению.

> В генеалогическом дереве нацистской доктрины такие латиняне, как Сисмонди и Жорж Сорель и англосаксы, как Карлейль, Рескин и Хустон Стюарт Чемберлен, были более заметны, чем любой немец. Даже наиболее притягательный нацистский наряд — басня о превосходстве образцовой арийской расы, возникла не в Германии — ее автором был француз Гобино. Немцы еврейского происхождения, такие как Лассаль, Лассон, Шталь и Вальтер Ратенау, внесли больше в основные догматы нацизма, чем такие люди, как Зомбарт, Шпан и Фердинанд Фрид [11, p. 529].

В ленинизме только фразеология шла от Маркса. Идейно Ленин был гораздо ближе к Б. Бауэру, О. Бланки, Н. Чернышевскому, М. Бакунину, П. Лаврову и народнической традиции. На эти факты неоднократно обращал внимание еще Г. В. Плеханов [9, с. 132–136], а в дальнейшем они становятся почти общим местом в критике большевизма его противниками из социалистического и либерального лагеря. На этом положении настаивает, в частности, Александр Зиновьев — автор оригинальной теории возникновения коммунизма, в чем-то близкой современным постмодернистским интерпретациям природы тоталитаризма [6, с. 37; ср.: с. 46].

> Новое общество, — подчеркивает он, — …имеет свои основы и источники, не являющиеся специфическим элементом событий в данном пространственно-временном объеме, имеет свою жизненную линию, которая выходит за рамки этого объема, как в прошлое, так и в будущее. В мире вообще переплетаются различные эволюционные линии. Порой они совпадают, так что кажется, будто они образуют одну единую линию. Обрыв одной линии не обязательно есть начало другой. Так, конец монархического режима в России не был началом коммунистического строя — линия последнего уходит в глубь общественной жизни и в прошлое так, что она долгое время сосуществует с линией монархического режима. Когда зарождается и складывается новый тип общества, происходит это в исторически данном материале, в формах и условиях, которые сами являются продуктом прошлой истории [6, с. 38].

Российский коммунизм, во многом являвшейся «воспроизведением крепостнического строя России столетней давности», сложился «не по неким мистическим законам перехода от одной общественной формации к другой, более высокого уровня, а по законам складывания больших человеческих объединений в тех исторически данных условиях» [6, с. 42, 40; ср.: с. 36].

Таким образом, ни идеологические особенности, ни специфика исторической организации не могут дать истинного критерия для объяснения типологического сходства коммунистических и фашистских режимов. У А. Зиновьева таким критерием служат «отношения коммунальности», т. е. «субординации (начальствования и подчинения) и координации (соподчинения) между отдельными индивидами, группами индивидов, клеточками и объединениями клеточек в более сложные органы и ткани целого организма» [6, с. 21, 305]. В этом смысле капитализм является продуктом экономических отношений, тогда как переход к коммунизму — результатом изменения иного рода, сви-

детельствующего о кризисе цивилизации, ее перерождении и трансформации в качественно иное состояние [6, с. 21, 26 сл.]. Линией водораздела между двумя типами общества является тотальное огосударствление, т. е. возникновение деспотического государства, подчиняющего себе все остальные сферы жизни [5, с. 606–607].

Такое состояние, конечно, детерминировано предшествующим историческим развитием, но факторы, вызвавшие такую трансформацию, являются вторичными и случайными. В России непосредственной причиной революции была мировая война, превращенная большевиками в войну гражданскую. В Германии военное поражение и революция обусловили слабость Веймарской республики, что способствовало приходу нацистов к власти. Напротив, в Италии, помимо отмеченных выше внутренних причин, аналогичный исход был следствием противоречий в стране победителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. Окаянные дни: Дневники, статьи, воспоминания. — М.: Эксмо, 2011.

2. Вебер М. Социализм. Речь для общей информации австрийских офицеров в Вене (1918). Пер. и вступ. статья В. А. Гуторова // Вестник Московского Университета. Сер. 12: Социально-политические науки. — 1991. — Вып. 21. — С. 42–80.

3. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. — М.: Типография Саблина, 1909.

4. Вехи. Из глубины. — М.: Правда, 1990.

5. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М.: Октябрь — Советская Россия, 1991.

6. Зиновьев А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. — М.: Центрполиграф, 1994.

7. Ильин И. А. Собрание сочинений. — М.: Русская *книга,* 1993. — Т. 2, кн. 1.

8. Мартов Ю. О. Письма. 1916–1922 / ред. — сост. Ю. Г. Фельштинский. — Vermont: Chalidze Publications, 1990.

9. Плеханов Г. В. Соч. — М.; Л.: Государственное изд-во, 1926. — Т. XIII.

10. Adamson W. L. Hegemony and Revolution. A Study of Antonio Gramsci's Political and Cultural Theory. — London: Lawrence and Wishart, 1980.

11. Mises L. von. Socialism. An Economic and Sociological Analysis. — Indianopolis: Liberty Fund, 1981.

12. Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. — Chatham, New Jersey: Chatham House Publishers, Inc., 1987.

13. Togliatti P. Gramsci / a cura di Ernesto Ragionieri. — Roma: Editori Riuniti, 1972.